

IN MEMORIAM

DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.jkf4-5e86

EDN: DDCPNG

УДК 316(092)

*ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ КРОТОВ¹,
ТАТЬЯНА СТЕПАНОВНА ЛЫТКИНА²,
СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА ЯРОШЕНКО³*

¹ *Фонд Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия*

² *Коми научный центр РАН, Сыктывкар, Россия*

³ *Независимая исследовательница, Санкт-Петербург, Россия*

**Памяти Майкла Буравого
(15.06.1947–03.02.2025)**

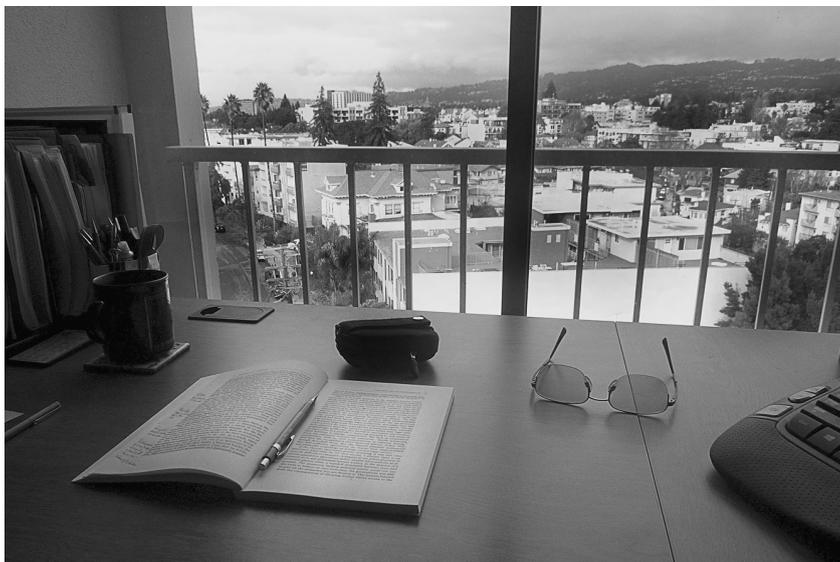
МАЙКЛ БУРАВОЙ ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ: ПРЕОДОЛЕВАЯ ГРАНИЦЫ

Ссылка для цитирования: Кротов П. П., Лыткина Т. С., Ярошенко С. С. Памяти Майкла Буравого (15.06.1947–03.02.2025) // Петербургская социология сегодня. — 2025. — № 27. — С. 5–13. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.jkf4-5e86; EDN: DDCPNG

3 февраля 2025 г. трагически ушел из жизни Майкл Буравой, почетный профессор Калифорнийского университета в Беркли, глубокий социальный мыслитель нашего времени, один из основоположников социологического марксизма. Талантливый исследователь, социолог по призванию. Наш друг, учитель и коллега. Ему было всего 77 лет.

Результаты его работы и деятельной жизни еще долго будут привлекать к себе внимание равнодушных к тому, как развивается неолиберальный капитализм и как хрупкое гражданское общество в разных странах защищается от давления рынков и государств. Наша задача и стремление в этом своем кратком эссе памяти лишь начать разговор, обозначив пунктиром часть жизненной истории, связанной с нами

и Россией, одного Человека, социолога-гуманиста, подвижника. Нам важно рассказать о том, как он стремился реконструировать марксизм, стараясь усилить эмансипационный потенциал социологического знания и повышая чувствительность разных социологов к актуальным проблемам социального неравенства, и о том, какое влияние он оказал на нас лично, а также какие ожидания связывал с развитием российской социологии.

В далеком 1986 г. — на заре перестройки — он приехал в Москву вместе с Эриком Олином Райтом, чтобы обсудить с советскими социологами из Института социологии АН СССР организацию опроса о классовом сознании советских граждан в рамках сравнительного исследования социальных структур в США и СССР. После десяти дней *«досадных, но весьма показательных»* переговоров, проявивших разницу в восприятии сторонами ключевых марксистских категорий, каждый из них принял для себя решение о том, как дальше развивать научную и публичную дискуссию о роли рабочего класса в *текущей* истории, о позиции и месте интеллектуалов в меняющемся обществе, в социальной жизни. Эрик Райт больше не приезжал в Россию. Майкл, напротив, задумался о возможности проведения развернутого монографического исследования на советском производстве, аналогично тому, что он проводил в Венгрии.

Поэтому он вновь приехал в Россию летом 1990 г. по приглашению Нины Владимировны Андреевской, чтобы провести десять дней на реке Волге, читая на теплоходе лекции индустриальным социологам и работникам отделов кадров промышленных предприятий со всей страны. Среди организаторов социологического круиза был и аспирант Н. В. Андреевской — Павел Кротов, наш коллега из Коми научного центра РАН. Именно он не только проявил *«этнографический инстинкт»*, но и увлек известного профессора социологии перспективами изучения организации труда на северном заводе. В итоге зимой 1991 г. Майкл сначала познакомился с ситуацией на московской резиновой фабрике, где Кэти Хэндли проводила консалтинговый проект по реструктуризации управления государственным предприятием. Затем в качестве социологического исследования для развернутого изучения случая летом этого же года было выбрано промышленное предприятие Сыктывкара, куда он устроился работать простым слесарем, тогда как Павел Кротов брал интервью у менеджеров. Кроме того, каждое лето с 1992 по 1994 г. по несколько недель они проводили и в Воркуте, где довольно противоречиво развивалось шахтерское движение, а направления реформирования государственного социализма навязывались сторонниками рыночных реформ. Социологическое исследование на всех 12 шахтах угольного бассейна шло параллельно проекту Всемирного банка по оптимизации шахт. Выводы, которые делали социологи, отличались от выводов экономистов. Социологи показывали негативные последствия шоковой терапии и на общество, и на развитие социально-экономической среды. Промышленные предприятия закрывались одно за другим, рабочих сокращали, выгоняли в административные отпуска, а заработную плату не выплачивали, иногда выдавая ее продуктами питания, цены на которые были значительно выше, чем на прилавках магазинов.

Сложившаяся ситуация определила дальнейший путь исследования, сместившийся с предприятий в домохозяйства. В 1994 г. Татьяна Лыткина впервые вошла в семьи рабочих того же предприятия, где когда-то работал Майкл. Некоторые из них продолжали работать, несмотря на все сложности внутри организации, другие попали под сокращения или уволились сами в поисках стабильных источников дохода. Важно было понять, как сами рабочие оценивают ситуацию, в которой они оказались на производстве, в домохозяйствах и стране в целом. Исследование переросло в изучение жизненных стратегий того, как семьи справляются с материальными нуждами в период перехода страны к рынку. Майкл часто сопровождал Татьяну Лыткину, присутствовал

во время интервью, сознавая сложности, которые могут возникнуть с появлением еще одного интервьюера, к тому же иностранца. Тем не менее, как и на производстве, ему было важно участвовать в процессе интервьюирования, а затем обсуждать вместе с ней как эффект его присутствия, так и специфику формирующихся жизненных стратегий в семьях рабочих. Проверая свои ожидания при переходе от семьи к семье, проговаривая затем увиденное и услышанное, составляя резюме каждого интервью, они *«медленно, но верно»* реконструировали теорию, как «устаревшую», развитую в его предыдущем исследовании на венгерском предприятии, а еще ранее — на предприятиях в США и Замбии, так и новую, подходящую для наблюдаемого рыночного перехода. Для Майкла, как профессионального социолога, не существовало социологии без теории, а «поля» — без его участия. Он исходил из того, что теория формирует случай, а случай, в свою очередь, позволяет ее реконструировать.

Такой методологический подход рефлексивного изучения случаев предполагает постоянные размышления о своей исследовательской позиции и ее влиянии на результат, внимательное сопоставление наблюдений с ожиданиями, не допускает выдергивания отрывков из интервью для развития любимой теории. Это творческое соединение теорий разного уровня с эмпирическим исследованием реальности, раскрывающее сложный мир повседневных межличностных взаимодействий, требующее длительной и кропотливой аналитической работы особенно при переходе на уровень анализа макрореальности. Признавая, что могут быть ошибки на этом пути, Майкл говорил: *«ошибаться не страшно»*, но важно продолжать расти профессионально и развивать социологию.

Изучение жилищной стратификации — это последнее совместное исследование, проведенное с нами в Коми и в России, в рамках которого стало возможным сочетание качественных методов с количественными. Ответы респондентов качественного этапа изысканий были формализованы и переведены на язык опроса. Опираясь на теоретические обобщения Георга Конрада и Ивана Селеньи, на их представления о классах «производителей» и «распределителей» при государственном социализме, мы попытались выявить взаимосвязь жилищных, экономических и социальных классов, а также механизм, при котором советская система создавала преимущества классам управленцев и специалистов, а не рабочему классу, как представлялось идеологами социалистического строя. Однако в результате реконструировать теорию не удалось.

Позже Майкл сожалел, что скептически относился к теоретическим достижениям Пьера Бурдьё и недооценивал потенциал результатов его исследований для раскрытия дальнейших перспектив в развитии как социологического марксизма, так и социологической теории. В частной переписке он писал: *«Больше всего я сожалею о том, что мы так и не разработали теорию жилищного перехода. Но мне так мешал мой ужасно бедный русский язык. <...> Мы искали какую-то большую теоретическую рамку, чтобы понять, что происходило в 1990-е годы».*

В то же время в секторе экономической социологии Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра РАН развивалась бурная социологическая работа. Светлана Ярошенко и Татьяна Лыткина вместе с другими сотрудниками дружного, слаженного трудового коллектива изучали тех, кто обращался за государственной помощью на селе и городе, получал или терял статус нуждающихся, и какое влияние на них оказывала формирующаяся с 1996 г. система «адресной», а точнее, избирательной социальной защиты. Параллельно мы проводили кейс-стади на промышленных предприятиях г. Сыктывкара, сотрудничая с Саймоном Кларком и коллегами из Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО), а также изучали гендерные различия стратегий занятости среди зарегистрированных бедных, участвуя в лонгитюдном качественном социологическом исследовании совместно с Сарой Ашвин. Результаты всех исследовательских проектов мы обсуждали друг с другом, так или иначе затрагивая сложные вопросы оснований для теоретических обобщений по поводу наблюдаемых стремительных изменений и резкой дифференциации в обществе. Мы размышляли вместе по поводу применимости понятия *Инволюции* Клиффорда Гирца к ситуации в России 1990-х гг., о возможности реконструкции устаревших теорий *Великой трансформации* Карла Поланьи, *Андеркласса* Уильяма Вилсона и *Практик* Роберта Коннелла. Нам важно было, пропуская через себя, разобраться, как бывшие советские люди переживают кардинальные изменения в трудовой сфере, что для них означает ломка общественного устройства, какие строят жизненные планы, какие смыслы вкладывают в то, что делают и в чем они участвуют. Тем самым каждый из нас не только подбирал «ключи» к развитию социологической теории перехода от реального социализма к реальному капитализму, но и способствовал расширению и выстраиванию подходящей теоретической рамки, накоплению эмпирических данных для проверки выдвигаемых утверждений и для приращения социологического знания.

Проводя интервью, обсуждая их результаты, составляя аналитические схемы и выбирая подходящие теории для развития, общаясь в повседневной и академической жизни, мы каждый раз удивлялись внимательности Майкла Буравого к деталям, умению исходить из нашего жизненного и профессионального опыта, жить жизнью сообщества и постоянно рефлексировать над противоречиями, а еще отзывчивости, открытости, щедрости и мудрости, но прежде всего умению слушать и уважать мнение *другого* человека. Тем самым уже в повседневном взаимодействии преодолевать границы, иерархии и структуры, выстраивать равенство. На наш взгляд, его чувствительность к ограничениям и структурам формировалась именно при изучении рабочих. Более того, мы считаем, что наши восхищения были взаимны. Мы восхищались его подвижническим отношением к социологии и к труду, а он восхищался нами и нашей работой, всегда находя слова поддержки, понимая сложности наших жизненных и профессиональных ситуаций. В то же время он удивлялся тому, как много времени мы проводим за неформальными беседами, успевая при этом делать большой объем работы. Мы полагаем, что именно этот опыт наших дискуссий 1990-х гг. он перенес в свою преподавательскую деятельность, в еженедельные встречи с аспирантами у себя дома под тусклый свет лампы в своей небольшой квартире или в кафе. Кроме того, мы уверены, что его личный разворот от индивидуального к совместному исследованию, к учету жизненного опыта студентов при понимании исторических и общественных контекстов, к расширению социологического сообщества — это результат его личных размышлений над трудностями, с которыми он столкнулся при расширении кругов кооперации и поддержки других.

Прервав изучение рабочих, он обратился к изучению своего собственного рабочего места — университета, чтобы рассмотреть, как в условиях коммодификации и внешнего регулирования уже не только труда, но и знаний производится сама социология. В 2007 г. по приглашению Светланы Ярошенко он приехал с серией лекций о публичной социологии в Санкт-Петербург и вернулся сюда же в 2015 г. с лекцией «*Социология как призвание*», приняв участие в круглом столе «*О перспективах развития российской социологии в XXI веке*».

В первый визит он в своих 11 тезисах о публичной социологии предложил разные варианты объединения усилий социологов и различных групп общества, чтобы оживить социологию как научную дисциплину, поддержать разные группы общественности и тем самым защитить гражданское общество. Первоначально предполагалось, что Майкл

представит свою идею публичной социологии в Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ), где в ходе проекта по инновационной образовательной среде обменивались опытом и знаниями по переходу на двухуровневую систему обучения в рамках Болонского процесса. Однако поступили приглашения выступить и в других социологических центрах. Несмотря на серьезную нагрузку, Майкл принял все эти предложения. Более того, в своих выступлениях на разных площадках он постарался ориентироваться на конкретную публику, предлагать согласованные с ее интересами темы для дискуссии, а также вести с ней диалог, встроенный в локальную ситуацию. В итоге в течение трех дней он сначала представил свое видение публичной социологии в СПбГУ, затем обсудил возможности ее укоренения в российском контексте в Центре независимых социологических исследований, а также инициировал дискуссию о направлениях развития марксизма после коммунизма в Европейском университете в Санкт-Петербурге и, наконец, провел несколько методологических семинаров, разъясняя и студентам, и преподавателям, и всем заинтересованным развитие методов качественного социологического исследования особенности разработанного им *метода развернутого изучения случая* (extended case method).

По окончании визита в разных российских социологических журналах были опубликованы и его статьи о публичной социологии, и дискуссия о том, приживется ли публичная социология в России. Основной лейтмотив его обсуждений вращался вокруг отличительных свойств социологии на фоне других социальных наук, заключавшихся в стремлении к объединению общества, а не его расколу, а также к признанию не только наукой, но и моральной и политической силой. Подчеркивая важность возвращения обогащенных социологических знаний разнообразным публикам, или группам общественности, как *традиционным*, невидимым в общественном пространстве, но часто исключаемым и маргинализируемым, так и *органическим*, видимым, местным и зачастую протестным сообществам, он тем не менее видел ограничения для развития публичной социологии в России. И все же, полагаясь на свой личный опыт работы над ошибками и трудностями их преодоления, он считал, что и здесь публичная социология может перерасти в профессиональную, обращая внимание российских социологов на необходимость проверки своих утверждений эмпирическими данными, предлагал социологам стать солидарными для формирования профессионального сообщества заинтересованных в изучении социальных проблем и развитии гражданского общества.

В ходе второго визита в Санкт-Петербург, состоялся еще один цикл его лекций и встреч в разных социологических центрах, сотрудники которых были обеспокоены как положением социологии в системе высшего образования РФ, так и выстраиванием иерархий внутри и вне университетов, академических институтов и исследовательских агентств, а также ходом развития в них гражданских протестов со стороны ученых разных дисциплин и студентов. На этот раз, обращаясь к российскому социологическому сообществу, он подчеркивал, что опрометчиво следовать формальным и классифицирующим показателям академических достижений, деликатно намекая нам, что необходимо прежде всего осмыслить происходящее в историческом ключе, воспринять свои личные проблемы как общественные, прирастить знания о меняющемся обществе, развить локальную теорию, пусть даже заимствованную, но сформированную на основе российского контекста, подняться профессионально, поверить в себя, будучи солидарными с друг другом и с гражданским самоорганизующимся обществом. Тем самым, мы убеждены, что он не пытался ранжировать социологические сообщества, напротив, предлагал, преодолевая границы, расширять представления об обществе и самих себе, чтобы вернуть приращенное социологическое знание обратно, туда, где оно было получено. Поскольку если уж какой-то науке суждено понять Россию, то явное преимущество принадлежит социологии. Наше будущее в наших руках. Думаем, что с этими словами он бы согласился.

Сведения об авторах

Кротов Павел Петрович, кандидат социологических наук,
Фонд Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия
pavel@krotov.us

Лыткина Татьяна Степановна, кандидат социологических наук,
Коми научный центр РАН,
Сыктывкар, Россия
tlytkina@yandex.ru

Ярошенко Светлана Сергеевна, кандидат социологических наук,
независимая исследовательница,
Санкт-Петербург, Россия
svetayaroshenko@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 08.04.2025;
принята к публикации: 15.04.2025.

KROTOV PAVEL P.¹, LYTKINA TATYANA S.², YAROSHENKO SVETLANA S.³

¹ *Pitirim A. Sorokin Foundation,
Syktyvkar, Russian Federation*

² *Komi scientific centre RAS,
Syktyvkar, Russian Federation*

³ *Independent researcher,
St. Petersburg, Russian Federation*

IN MEMORIAM MICHAEL BURAWOY

For citation: Krotov P. P., Lytkina T. S., Yaroshenko S. S. In Memoriam Michael Burawoy. St. Petersburg Sociology Today. 2025. No. 27. P. 5–13. DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.jkf4-5e86; EDN: DDCPNG

Information about the authors

Krotov Pavel P., Candidate of Sociological Sciences,
Pitirim A. Sorokin Foundation,
Syktyvkar, Russian Federation
pavel@krotov.us

Lytkina Tatyana S., Candidate of Sociological Sciences,
Komi scientific centre RAS,
Syktyvkar, Russian Federation
tlytkina@yandex.ru

Yaroshenko Svetlana S., Candidate of Sociological Sciences,
independent researcher,
St. Petersburg, Russian Federation
svetayaroshenko@gmail.com

Received: 08.04.2025;
accepted for publication: 15.04.2025.